

У Сергея Донбая очень странный поэтический голос. Можно найти сюжеты у разных авторов, в самом общем виде похожие на его истории, но всякий раз, когда обнаруживаешь близость деталей, понимаешь, что стихи Донбая – феномен, рождённый временем, социальной средой, человеческой повадкой автора и только в последнюю очередь – литературой. И вот здесь совершенно точно возникает ошибка: литература участвует в его лирике властно и последовательно, но почти всегда принимает какой-то другой облик – шуточный, пустяковый, очевидно житейский, но только не серьёзный, не пророческий, не затаённо доверительный.

У Донбая нет распространённого сегодня литературного суждения, он не годится на роль строгого наблюдателя, стоящего на краю вселенской чаши и изрекающего оценки. Поэт – одновременно вне событий и внутри происходящего. И это обстоятельство скрывает классическую литературную подкладку его стихотворений и сообщает интонации поразительную самобытность. В лирическом повествовании у Сергея Донбая постоянно проскальзывает какая-то сбивчивая присказка, что делает авторскую речь теплее, располагает читателя к рассказчику. Это доверительность сказок, а не интимность интеллигентской рефлексии.

Такая речевая походка позволяет ему удивительно легко сочетать приподнятые движения ума с деталями приземлёнными, бытовыми, порой натуралистически точными. И попутно дописывать картину, занимающую его сердце, углубляя пространство и расширяя панораму.

Пела свободно и жадно,
Перезабыв обо всём.
Так утоляется жажда
Ртом и лицом под дождём!

Песенка, веточка, птица!
Сжат добела кулачок.
То ли от счастья искрится,
То ли слезинкой — зрачок...

В его стихотворениях постоянно что-то происходит, в особенности в “молодых” стихах. Прозрачное пушкинское построение фразы – подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство места или времени – помогает нам обнаружить присутствие автора везде, но “перемещается” он вполне последовательно, и потому тут не найти тесного нагромождения ситуаций, взгляд переходит от одного к другому с удивительной естественностью.

У Донбая цепкое литературное зрение, он умеет связать мгновенные повороты бытия с предметными деталями и обнять их собственной жизнью, примирить отчуждённое и продолжить, казалось бы, оборванное. Подобно речи Пушкина, у него соединены человек и природа, быт и эмоции, – как

правило, более радостные, чем печальные, — и это потому, что в них много детского.

Совсем по-детски поэт чувствует боль и заботу птиц и леса, луга и зверья. Он вписан в природный распорядок, хотя и отодвинут от непосредственного контакта с ним на некоторую дистанцию как городской человек. Сказывается его интуитивная тяга к родовому, о чём он почти случайно проговаривается:

Косогор дождя грибного
С шумом в небыль перейдёт,
Но молчанья родового
Над кладбищем не прервёт.

Здесь наглядна человеческая взаимосвязь, но природное всеединство автор только нащупывает.

Он может простыми средствами выстроить ощущение-переживание. Причём принципиально живое Донбай создаёт только из простого. Вот почему его стихи так непосредственны и искренни, а во взгляде на окружающий мир видна наивность человека, который тут и сейчас появился внезапно и почти неожиданно для самого себя. Он умеет изобразить или назвать привычное укрупнённо и чуть-чуть отстранённо, и читатель почти незаметно для себя становится с автором локоть в локоть — и вот уже смотрит на мир его глазами.

Природное и детское живут в Донбае, не споря и помогая друг другу. И совсем не случайно он уронил строку, которая говорит о нём почти всё:

Мы путники из детства, из природы.
Она нас — не случайно, в свой черёд, —
Сквозь тяжкие сибирские сугробы,
Как первенец-подснежник продохнёт.

Донбай — поэт на редкость традиционный, свободный или белый стих у него выглядит недосказанным, поскольку подробности сюжета не связываются музыкой и созерцаются более умом, нежели душой. Между тем, речь Пушкина в переводе из Катуллы или в “Маленьких трагедиях” более чем убедительна для привычной рифмованной русской лирики. Великий литературный пример подталкивает Донбая к несвойственным ему, но общепринятым в литературе стилистическим шагам. Так проявляется его верность цеховому братству, а самое убедительное подтверждение этому мы найдём в стихотворении “О Пушкине”:

Целуй, целуй его, Наташа,
Певца с кудрявой головой!
Он непокорный, молодой,
Он здесь, он рядом, он посажен
До смерти на цепи златой.

Почти с домашней теплотой он обращается к Наталье Гончаровой, и его голос созвучен голосу нашего гения.

Донбай чувствует надмирное значение художественного слова. Когда в его лирической истории поэт в порыве отчаянья сжигает собственную рукопись, освобождаются роковые силы, и вдалеке вспыхивает совсем другой пожар: “И стала ночь помощницей огня, // Она его, как дерево, растила”.

Так литература, словно некий организующий принцип, которому послушны сердце и разум, выстраивает словесную вселенную Сергея Донбая. А затем как бы прячется, переходит в подводное течение и насыщает живительной влагой все ростки жизни, которые под пером поэта обретают удивительный цвет и поразительную форму.

* * *

Вымирает читатель стихов.
В трубку, стиснув тетрадную пропись,
Он как будто уходит на зов, —
Сам себя заманил крысолов —
В интернета безвылазный хоспис.

* * *

Памяти тополя

Птица в воздухе ночует,
Там, где дерево росло,
Пустоту ночную чует,
Но не верит ей крыло.

Натекает, натекает
Ночь за ночью, день за днём.
Как душа, не отдыхает
Птица в воздухе моём.

И, привычная трудиться,
В бесполезности кружа,
От усталости, как птица,
Камнем падает душа.

1985

* * *

В. Бородкину

В глубоком зените колодца
Плетёт паутину куржак.
Мы — дети холодного солнца:
Полгода сугробы лежат.
Несём, словно платим налог,
Мороза терновый венок...
Приходят, как белые, ночи,

Цветут — ленинградских короче,
Ломают соломинку льда
Черёмуховые холода.
Как лето почуявший школьник,
Как в галстукe красном, шиповник!
Ребёнок холодного света,
За месяц согрелся земляк.
Но дышит короткое лето
Колодцу в озябший кулак.

1986

* * *

В. Ковшову

Нищим светом облиты снега,
Заунывно дорога басит,
И тоски золотая серьга
Одиноко над полем висит.
И луна эта мне дорога!
И печаль эта мне хороша!
Раздевается свет донага.
Бедной пищей довольна душа.

1993

14 АПРЕЛЯ

*Марья — зажги снега,
заиграй овражки, пустые щипы.*

Из крестьянского календаря

Первый дождь, как будто неумело,
Моросит который час подряд.
Первенец, а сразу же за дело:
Снегоед, недаром говорят.

Всё в лесу промокло и примолкло,
Снег парит, как будто пьяный в дым,
И на соснах каждая иголка
Бисером расшита водяным.

Развезло сибирские дороги.
Трактористы за бутылку, факт,
Не пропустят прибыльные сроки —
Иномарки тянут на асфальт.

Первый дождь работает умело!
Снег съедает внутренний огонь.
Развалилась, как слеза, сгорела,
Зимняя тропинка через Томь.

Заскучав по дачному участку,
Подбирая урожай пустой,
В гараже разглядывает тяпку
Вынужденный фермер городской.

Птичьими правами очевидца,
Так воображенье взбередя,
И поэту есть чем поживиться
На пожаре первого дождя.

1998

* * *

И качает звезду
Ветер выше меня.
Я в траву упаду —
Травы выше меня.

Не закрою глаза —
Тяжело, с высоты,
Надо мною роса
Наклоняет цветы.

Подо мною земля —
Шар, изгиб под спиной
Поднимает меня
К полосе заревой.

Утро дёрнет кольцо,
Будто парашютист,
Сразу мне на лицо
Одуванчик слетит.

Не согласишься — не жаль.
Погоди, погоди...
Так вот будем лежать,
Прилетев со звезды.

* * *

Я сегодня на ночь не закрою ставни,
Звёзды, как мальчишки, подойдут к окну,
Подойдут поближе и носы раздавят
Любопытно-круглые по стеклу.

И слова их будут очень неразборчивы,
Только видно: звёзды шевелят губами,
Только слышно в мире: зёрнами и почками
И земля, и воздух глухо набухают.

И тогда покатится по избе по нашей,
Чтоб начать весеннюю канитель,
Чтоб набрякнуть с крыши и разбиться насмерть,
Самой первой капелькой первая капель.

Я сегодня на ночь не закрою ставни,
Звёзды, как мальчишки, будут у окна,
Подойдут поближе и глаза уставят
Любопытно-круглые на меня.

* * *

Я думаю о женщине сейчас.
Мне говорит: “Люби её, не думай”, —
Знакомый каменщик и хмурый, и угрюмый,
От сигареты прикрывая глаз.

А женщина безвольно и устало
Поднимет руки, волосы поправит.
И этот жест, непонятый сначала,
Потом, потом придёт тебе на память,

И будешь злиться — и любить, и злиться,
И будет ясно, что она ушла,
Но ни единая не убедит душа
В том, что она уже не возвратится!

ВОЗРАСТ

Я нравлюсь тебе,
Как лесная река
(Такая тебе
Не встречалась пока).

В ней звёздное небо
Сквозь травы течёт...
Всегда неизвестное
Души влечёт.

Когда ж ты все реки
И звёзды увидишь,
Меня ты полюбишь
Иль возненавидишь!

* * *

Родной язык в нас снова растревожит
И русскую тоску, и нашу прыть.
От первых потаённых чувств: “Быть может...” —
И до надежды страстной: “Может быть!”

Родной язык. Мы все уйдём и сгинем,
Но строчка будет жить, ей хватит сил:
“Скажи поклоны князю и княгине”, —
Так Бунин в прошлом веке попросил.

А в детстве кто из нас, как небожитель,
Не отхлебнул из русского ковша?
Родной язык и ангел наш хранитель,
И песня, словно общая душа,

Которую всё реже дарит радио,
Но верещит всё громче на износ.
Родной язык: “Не в силе Бог, а в правде”, —
В тысячелетье прошлом произнёс.

Народа нет и не было немного.
И гордость, и смирение на лице
Он выразит: “В начале было Слово...”,
“Пусть... будет пухом...” — он вздохнёт в конце.

Он узелок на память нам и — затесь,
Он оберег наш и — сторожевой,
Он был и есть, как Бог, без доказательств.
Родной язык — наш промысел живой.

*Редакция поздравляет
нашего давнего автора и друга
с 70-летием!*